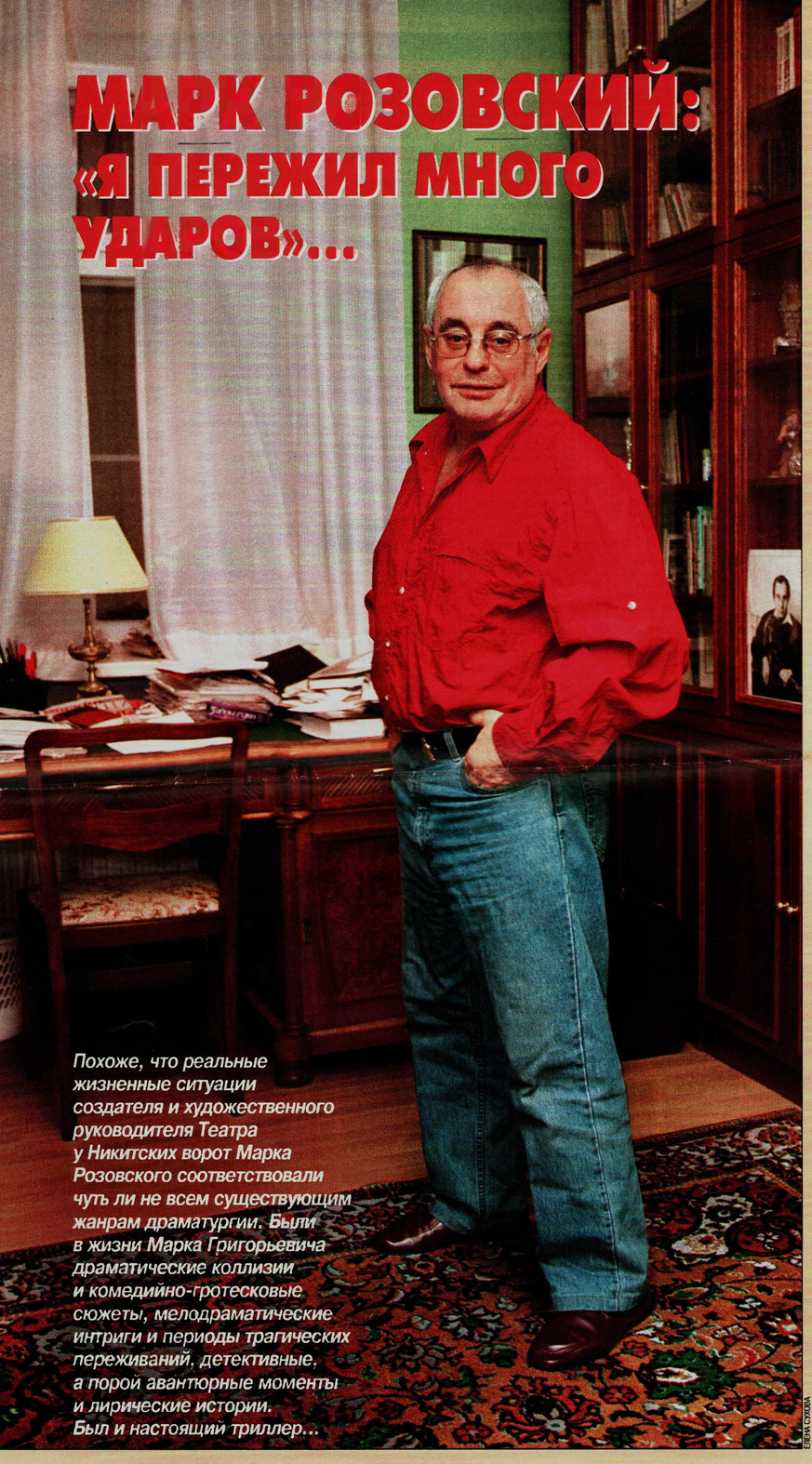
МАРК РОЗОВСКИЙ: «Я ПЕРЕЖИЛ МНОГО УДАРОВ»...



Похоже, что реальные жизненные ситуации создателя и художественного руководителя Театра у Никитских ворот Марка Розовского соответствовали чуть ли не всем существующим жанрам драматургии. Были в жизни Марка Григорьевича драматические коллизии и комедийно-гротесковые сюжеты, мелодраматические интриги и периоды трагических переживаний, детективные, а порой авантюрные моменты и лирические истории. Был и настоящий триллер...

ЕЛЕНА СУХОВА

Семь дней. – 2003 – 7-13 апр. – с. 62-67

ТЕТ-А-ТЕТ

— Марк Григорьевич, среди заложников на Дубровке в числе других юных актеров спектакля «Норд-Ост» оказалась ваша дочь Саша. К счастью, для вашей семьи та трагедия разрешилась благополучно...

— Да-а-а... Но это было шоковое переживание. Не дай бог кому бы то ни было испытать такое.

— А как вы узнали о случившемся — через СМИ или вас оповестила мама Сашеньки?

— Лана (актриса Светлана Сергиенко. — *Ред.*) тоже находилась там, внутри здания. Саша была на третьем этаже, а мама ожидала ее внизу, в комнате для родителей. Услышав по трансляции ультиматум террористов, родители заперлись, погасили свет и включенными мобильниками стали сигналить в окно. Спецназовцам удалось перепилить решетку окна и освободить находившихся в той комнате... А у меня в театре в это время играл спектакль «История лошади». Вдруг — мне навстречу наши ребята с бешеными глазами: «Где Саша?» Я удивился: «Не знаю». Мы же с Ланой давно разошлись, и я не мог знать точного расписания жизни моей дочери. Мне рассказали о случившемся. Я тут же стал звонить к ним домой — никто не берет трубку. Потом позвонили жене родного Сашиного дяди — актрисе Вике Заславской, чей сын Арсений тоже играл в том спектакле, спросили, не знает ли она, где Саша?» Вика еще не была в курсе событий и спокойно ответила: «Репетирует на Дубровке, и Арсений с ней». Саша была там на репетиции «Оливера», а в «Норд-Осте» она уже не играла — выросла из роли маленькой Кати Татариновой.

Мы с женой (Татьяна — директор и музыкальный руководитель Театра у Никитских ворот. — *Ред.*) помчались туда. Я беспрерывно звонил Лане по мобильному телефону, но он был отключен. Вдруг в какой-то момент еле услышал шепот: «Саша здесь, но я сейчас не могу говорить». Я понял, что они обе — там... Но Лана приблизительно через три часа уже была на свободе, и мы вместе молились за судьбу нашей Саши и всех людей, оказавшихся в этом кошмаре.

— Как произошла ваша встреча с дочкой?

— С трудом мы узнали, что Саша находится в Русаковской больнице. Никто ведь не давал никакой информации. Помчались туда: «Есть такая девочка?» «Есть», — отвечают. «Жива?» — «Жива!» — «Можно навестить?» — «Можно...» Я боготворю того неизвестного солдата, который вынес ее, очевидно, одной из первых... Мы боялись расспрашивать дочку о том, что она пережила ТАМ, но врачи говорили, что, наоборот, нужно как можно больше говорить об этом, чтобы у детей была возможность выговориться. Саша была вполне адекватна — не плакала, не жаловалась, говорила даже, что один из террористов был похож на Рики Мартина... Однако самое страшное ждало ее впереди. Диким ударом для нее стало известие о гибели Арсения и подружки Кристины, которая, кстати, играла ту же роль в «Норд-Осте», что и Саша, и с которой они в зале сидели рядом.

— Как дочка сейчас себя чувствует?

— Более-менее нормально, только анализ крови иногда «скачет» — ведь отравление действительно было очень сильное.

— Саша не единственный ваш ребенок?

— У меня еще есть 6-летний сын Сеня и взрослая дочка Маша — жена Славы Флярковского (Владислав Флярковский — главный редактор Новостей на телеканале «Культура». — *Ред.*), у них двое детей: Илюше — 14 лет, а Венечке — 4 года. Таким образом у меня внук оказался старше сына. А моя старшая дочка и последняя жена примерно ровесницы. Так уж вышло, что все мои дети — от разных браков. Первый раз я женился сразу по окончании факультета журналистики МГУ на Инге — студентке исторического факультета. Мы были вместе 13 лет и по сей день остаемся в хороших отношениях. Я не хочу вдаваться в причины нашего развода. Скажу только одно — расстались мы как-то чудовищно. Однажды в 4 утра я встал с постели, оделся, вышел из дома и... больше туда не вернулся.

— Вы всегда так решительны?

— Только в определенные моменты. Тогда мне показалось, что в наших отношениях произошло какое-то омертвление, появилось взаимное раздражение. В общем, назрело... Потом жизнь стала меня кидать. После того как в 73-м году я поставил свой первый спектакль на профессиональной сцене — мюзикл «Бедная Лиза» у Товстоногова, меня назначили главным режиссером Московского мюзик-холла. Там я встретил Галю, балетную актрису. Мы прожили с ней 13 лет, и все эти годы я был так называемым балетным мужем. Из-за того что я продолжал работать в БДТ и не скрывал этого, начались интриги, и я потерял место главного режиссера мюзик-холла, очень переживал из-за этого. В этот же период у меня умерли родители. Жить нам с Галей было негде. Я вселился в мамину квартиру — сначала незаконно, потом с колоссальным трудом мне удалось ее выкупить. Галя поступила работать в Театр эстрады, потому что вскоре после моего ухода мюзик-холл рухнул... Были моменты, когда у нас в карманах буквально оставалось 20 копеек. А мы с Галей любили выпить, закусить, у нас собирались большие компании друзей. Так что если появлялись какие-то деньги (я все же писал сценарии, ездил выступать с концертами) — они тут же улетучивались. Бывало, я наполнял чемодан пустыми бутылками и ходил их сдавать. После чего в очереди с алкашами покупал новые. А вечером на нашей кухне собирались интеллектуалы Москвы и под водочку с огурчиками спорили о высоких материях. При этом ощущение радости жизни нас не покидало... Но потом наступил черный день. Возвращаясь домой со дня рождения своей мамы, Галя попала в автомобильную катастрофу. Я был в тот день в Ленинграде на гастролях со своим театром, наутро первым рейсом вылетел в Москву, нашел ее в Склифосовского — Галя лежала без сознания с переломанным позвоночником. Потом ей делали 9-часовую операцию, она несколько раз приходила в сознание, но через неделю ушла из жизни. Это был чудовищный удар для меня...

Но жизнь есть жизнь, и через какое-то время я женился на актрисе своего театра Светлане Сергиенко, когда уже родилась Саша. А семь лет назад нам пришлось расстаться. Теперь Лана живет вместе с Андреем Нечаевым — бывшим гайдаровским министром экономики, а я успокоился нынешней жизнью.

Марк Григорьевич с сыном Сеней, женой Татьяной и тещей Верой Петровной

ЕЛЕНА СУХОВА

— С Татьяной у вас действительно началась спокойная жизнь?

— Иной раз — как на пороховой бочке, но мне это очень нравится. Я безмерно счастлив, потому что наконец встретил человека, с которым у меня полное взаимопонимание и любовь — о чем можно лишь мечтать. Только с Таней я обрел настоящее чувство единой семьи и внутреннее спокойствие. Моя жена — натура страстная, и это прекрасно. Я зажигаюсь от ее огня и иногда, представьте, испытываю особое удовольствие быть у нее «под каблучком». Таня многое решает в нашей семье, и, на мой взгляд, это замечательно.

— Наверное, самым важным из всех принятых Татьяной решений было решение подарить вам сына?

— Ну разумеется. Кстати, история рождения Семена была эпохальной. Он родился во время наших гастролей в Америке. И теперь он — гражданин США.

— Это вы специально так подгадали?

— Ну что вы! Просто в Нью-Йорке мальчику спасли жизнь. Он же родился 6-месячным, весом 603 грамма. Что мы с Таней пережили — вы себе не представляете. Была пятница, мы отыграли последний спектакль, и... Таню увезли в реанимобиле. А в понедельник театр должен был возвращаться в Москву. У меня долларов пятьдесят в кармане — все остальное уже истрачено. Спасибо, потом друзья помогли. Я мчусь в клинику, куда повезли Таню, а ее уже перевели в медицинский центр в Манхэттене. (Кстати, одна только перевозка стоила 1000 долларов.) Я несусь туда, приезжаю, со своим чудовищным английским ничего не могу ни сказать, ни понять. Страшно стало. Ночь я провел там — смотрел, как она лежит в окружении каких-то датчиков, компьютеров, аппаратов... Утром появился переводчик. Врачи стали нас предупреждать, что ребенок может родиться с отклонениями. Спрашивают: «Ну что вы решили? Будете оставлять?» Наконец я задаю грамотный вопрос: «А шанс есть?» Они невозмутимо отвечают: «Шанс есть». Я посмотрел на Таню и сказал историческую фразу: «Ну тогда мы будем рожать»... И тут же все завертелось. Тане сделали укол, и буквально через час начались роды. Я присутствовал, стоял рядом, разговаривал с ней. И когда все закончилось — смотрю на малыша: голова есть, две руки, две ноги есть, глаза есть, «это самое» тоже есть — все на месте... Ура! В ту же секунду ребенка чем-то опрыскали — он стал чистеньким, тут же положили на весы, сняли на «Полароид» и взяли отпечаток ступни. Это заняло 10—15 первых секунд жизни. Дальше он 4 месяца находился под колпаком.

Татьяна: У меня тоже сразу взяли отпечатки пальцев — размер верхней фаланги пальца был равен размеру стопы Сени.

— Простите, а как же вы решили финансовый вопрос?

Татьяна: Мы так и не поняли, как это получилось, но все было оплачено по страховке. Мое недельное пребывание в госпитале с суточной реанимацией стоило 14 тысяч долларов — это я по чекам увидела при выписке. А на Сеню оформили отдельную страховку, так как он родился на территории Америки. Ко мне пришли, стали задавать разные вопросы: кто я, откуда? Поняв, что я иностранка, да при этом некредитоспособная, сказали: «Не волнуйтесь, все оплатит страховая компания». Я потом подсчитала все присланные счета — сумма составила 480 тысяч долларов.

— Да-а, история на самом деле выдающаяся.

М. Г.: У меня и Машка родилась с приключениями. Мой приятель Юрка Зерчанинов — известный журналист (муж Клары Новиковой. — *Ред.*), с которым мы в журнале «Юность» работали, пригласил нас приехать к нему в подмосковный дом отдыха. Он там подхалтуривал зимой. «Приезжайте, — говорит, — я тут культурником работаю». Я спрашиваю беременную Ингу: «Ну что, поедем?» Она говорит: «Ладно, только я к врачу схожу». Сходила. Врач сказал, что до срока еще две недели. Мы поехали с друзьями, выступили на концерте. Инга сидела в первом ряду и хохотала как безумная. После концерта она говорит: «По-моему, у меня схватки начались». Мы вызвали «Скорую», и я повез Ингу в Хотьково. Ночь, зима, метель... Сдал я жену в роддом и пошел на станцию дожидаться утра, чтобы отвезти ее в Москву — у нас была договоренность с профессором одного из лучших роддомов. Утром стучусь в местную больницу, говорю: «Бабушка, откройте, давайте мне больную, которую ночью привезли. Через 40 минут будет первая электричка». Бабка приоткрывает дверь и с угрозой в голосе заявляет: «Никуда она не поедет, здесь будет рожать!» — да как-как заорет: «Убери ногу, я сказала!» А я переступил порожек в надежде войти. Я от неожиданности ногу убрал, она дверь со всей силой захлопнула и крикнула мне оттуда: «У нее уже воды отошли, а ты...» — и матом на меня... А в 9 утра мне преподнесли Машку. Было это 40 лет назад.

ЕЛЕНА СУХОВА

— А сами вы где родились?

— Родился я в Петропавловске-Камчатском, но в годик меня оттуда увезли. Родители были инженеры-строители. Окончив МИСИ, поехали строить судоремонтный завод на Дальний Восток, жили на стройке. В 37-м, когда мне было 8 месяцев, отца посадили. У мамы еще продолжался 3-годичный контракт. И в Москву меня отвезла моя русская бабушка Александра Даниловна Губанова. Мама моя — наполовину гречанка, наполовину русская, отец — еврей.

— Сколько времени «враг народа» провел в лагерях?

— Всего 18 лет, но после 10 лет отсидки его ненадолго выпустили. В августе 37-го взяли первую группу инженерно-технических работников. В одну из ночей оставшиеся проснулись от того, что со стороны берега океана слышалось нестройное пение Интернационала и выстрелы. Там, поддерживая друг друга, стояли их изможденные товарищи, пели гимн, а их расстреливали и сбрасывали в воду. Вот такой Феллини... А отца арестовали несколько месяцев спустя. Пока его не перевезли в тюрьму, он с другими арестованными пару дней сидел в какой-то избушке. Мама сумела подползти туда и кинуть отцу в окошко еду. Это увидела ее ближайшая подруга. За это маму исключили из комсомола с формулировкой: за помощь врагу народа...

— Мама оставалась одна?

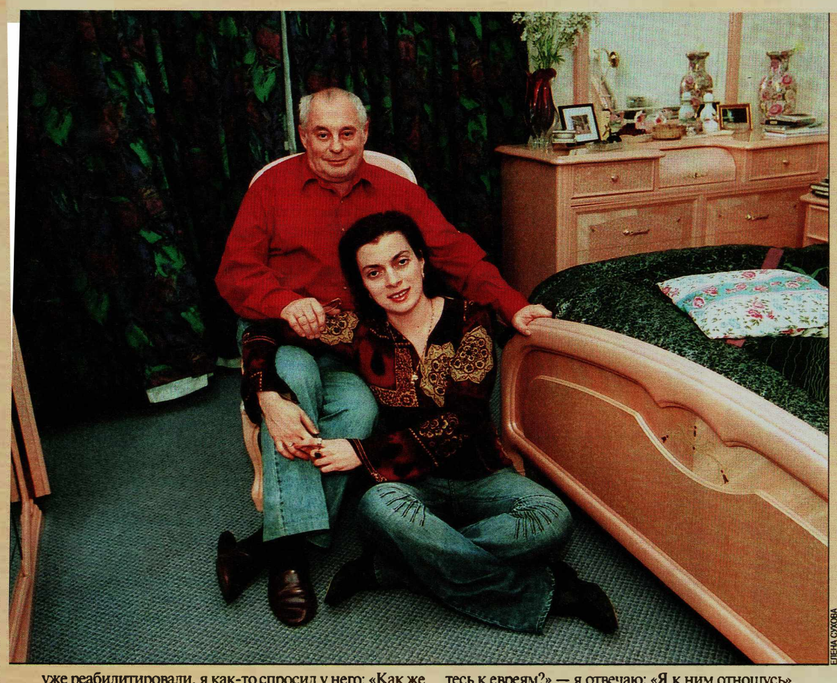
— Первые 10 лет она, как Пенелопа, ждала своего мужа, так как безумно его любила.

— Дождалась?

— Отец приехал к нам нелегально — отсидевшие же не имели права приближаться к Москве ближе 101 километра. Но он хотел посмотреть сына, повидаться с женой. Помню, я тогда с ним впервые пошел в мужскую баню — раньше-то бывал только в женской... Мама дико боялась, что кто-то из 80 жильцов нашей огромной коммунальной квартиры на него донесет. Но никто не настучал. И через несколько дней отец уехал на Волгу, на лесопильный завод — с 10-летним стажем работы на лесоповале ему деваться больше было некуда.

— Родители все-таки разошлись?

— Мама всю жизнь не просто любила, а обожала отца. И была ему верна. Когда его взяли второй раз и отправили в ссылку, мама добилась разрешения навестить его. Приехала и... застала папу с женщиной. Мама с ее греческим характером этого не простила. Когда отца уже реабилитировали, я как-то спросил у него: «Как же ты мог матери изменить? Почему женился на этой польской женщине?» Хотя, конечно, она не была ему женой. Он тогда сказал: «Сынок, пойми, я женился не на ней, я женился на корове. У нее, единственной из ссыльных, была корова, а это давало возможность выжить». Но мама была очень прямолинейным и абсолютно бескомпромиссным человеком... Многие годы я слышал по ночам, как она рыдала в подушку. И я знал, что являлось причиной ее слез. А когда мне пришла пора получать паспорт, мама, поняв, что мне с отцовской фамилией рассчитывать будет не на что, сказала: «Евреем ты в паспорте не будешь. Хочешь — запишись русским, хочешь — греком и возьми мою фамилию — Котопуло». Но я почему-то не хотел быть Котопуло... А за мамой к этому времени на работе ухаживал некто Григорий Захарович Розовский — странноватый, чудаковатый человек, очень умный, много знающий, интеллигентный. Мать на него обращала ноль внимания. Но когда встал вопрос о моем паспорте, она сказала: «Пусть тебя усыновит Григорий Захарович». И они оформили усыновление. И хотя этот человек никогда у нас не жил, благодаря ему я стал в паспорте греком по фамилии Розовский. Но когда меня спрашивают: «Как вы относитесь к евреям?» — я отвечаю: «Я к ним отношусь».



ЕЛЕНА СУХОВА

— Войну вы с мамой переживали в Москве?

— 15 июня 41-го года бабушка повезла меня в Анапу. А ровно через неделю началась война. Бомбежки были страшные. За два дня до прихода немцев мы отъехали из Анапы на поезде, и его стали бомбить. Бабушка закрыла меня своим телом и получила тяжелое ранение в ногу. Навсегда мне врезалась в память ее открытая рана, а в ней — осколок... Тем не менее мы приехали в Грозный, оттуда в Махачкалу, потом танкером с нефтью под бомбежками ехали в Красноводск — там полтора месяца жили на улице, благо была жара, там же у нас украли все вещи. Потом каким-то образом мы попали в Ташкент, из него добрались до Куйбышева... И только в 43-м году смогли наконец приехать в Москву.

— И начались — цитирую название вашего спектакля — «Песни нашей коммуналки»?

— Мы жили на Петровке. Все по Высоцкому: «Система коридорная, на 38 комнаток всего одна уборная»... И безотцовщина, и голодуха, и рядом с рукомойником в ведре всегда сидела крыса, и ночью по праздникам вставали в очередь за мукой. И все-таки было много хорошего. Огромное влияние на жизнь нашего двора оказывал каток «Динамо». Зимой все ходили туда играть в хоккей, а летом — в теннис. В школе тоже было два полюса: с одной стороны, хулиганство, нищета, полублатная атмосфера, в которую все были погружены. Но вместе с тем — высочайшая интеллектуальная жизнь. Я учился в знаменитой 170-й школе, в которой в разное время учились такие известные люди, как Андрей Миронов, Евгений Светланов, Вася Ливанов... Эдик Радзинский — вообще в соседнем классе. Там же, в школе, я по-настоящему увлекся театром.

— Вы единственный руководитель театра, который не имеет ни актерского, ни режиссерского образования. Почему же не пошли в театральный вуз?

— А я пошел, но меня не приняли. И мама заставила меня поступить в строительный институт. Но в МИСИ я сразу наполучал двоек и понял, что оттуда надо бежать. Тут вспомнил, что всегда любил водить пером по бумаге, и подал документы в МГУ на факультет журналистики. Там я учился с удовольствием и там же вместе с друзьями стал делать капустники...

— Слух о вас пошел по всей Руси великой именно с того момента, как появился эстрадный студенческий театр-студия МГУ «Наш дом»...

— Театр просуществовал 12 лет, его называли «театральный самиздат». Он действительно был очень острый, все спектакли запрещались, так как они наотмашь били по советскому режиму.

— Что же вы говорили начальникам, закрывающим ваши спектакли?

— Я работал в этакой маске «неуправляемого художника» — сам себе создал такой образ. Когда закрывали спектакль, я врывался в высокие кабинеты, швырял стулья, бил кулаком по столу, орал как бешеный. Все это я разыгрывал, это были мои этюды. А они начинали успокаивать меня: «Тихо, тихо, успокойтесь...» Они так хотели избавиться от меня, от моего визга, что сдавались: «Ой, уже подпишите ему этот акт о приемке спектакля, лишь бы ушел с глаз долой». А команда у нас была грандиозно талантливой. Многие стали известны: Семен Фарада, Александр Филиппенко, Геннадий Хазанов, Людмила Петрушевская, Максим Дунаевский, Виктор Славкин, Альберт Аксельрод, придумавший КВН, Илья Рутберг, Михаил Филиппов... Однако в 69-м году театр был закрыт. Я был просто растерт в порошок и выброшен на улицу.

— Чем стали заниматься?

— Это было тяжелое время. Но я работал на радио, в журнале «Юность», где возглавил отдел сатиры и юмора «Пылесос» — там впервые напечатал Арканова, Горина, Славкина... Потом создал театр при Литературном музее... И наконец в Кисловодске случайно встретил в лифте Георгия Александровича Товстоногова. Пока мы ехали наверх, он расспросил о моих творческих планах. Я рассказал, что хотел бы ставить «Бедную Лизу» и «Холстомера». И он пригласил меня к себе в театр.

— В прошлом году по поводу своего 65-летия вы сказали, что юбилей — это катастрофа с оттенком праздника. Юбилея вашего театра, которому в апреле исполняется 20 лет, это касается тоже?

— Да, но у театра эта катастрофа имеет гораздо больше оттенков. Я не хотел делать вечера с речами, цветами, приветствиями, после чего обычно все идут в буфет, надираются и начинают резать правду-матку в глаза друг другу. Поэтому мы решили отметить юбилей в рабочем порядке — выпускаем одновременно две премьеры: «Праведники» Альбера Камю — о русском терроре и «Сарданапал» Байрона — он впервые пойдет на сцене русского театра. Ну а 3 апреля мы в Доме актера сыграем «Песни нашей коммуналки». После чего устроим фуршет с капустником, что в переводе на русский означает выпивон с друзьями.

— Марк Григорьевич, вы живете очень насыщенно — как в творчестве, так и в личной жизни. Как вам удалось со всеми вашими женами, детьми и коллегами из «террариума единомышленников» сохранить добрые отношения?

— Не сразу это получилось. Были и времена расколов. Но пришло время не разбрасывать камни, а собирать их. Я считаю, что взгляды человека с возрастом могут меняться, а убеждения — никогда. А я всегда был убежден, что нормальные человеческие отношения — самая высшая ценность в жизни. И полагаю, что моя гармонизация с миром произошла потому, что я никогда не изменял этому убеждению.

Татьяна ЗАЙЦЕВА

Зять Марка Розовского – Владислав Флярковский с сыновьями Веней (на плечах), Ильей и шурином Сеней Розовским

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

«Так уж вышло, что все дети у меня — от разных браков. В результате мой внук оказался старше сына. И самое замечательное то, что все дружат между собой...»

Марк Розовский с детьми и внуками в гостях у старшей дочери. Слева направо: Илья, Веня, Сеня, Саша, Маша

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

Кухня «ELEONORA», Италия
• Фасад массив акации • Столешницы из слоистого пластика, мрамора, гранита
Цена $959
СЭКОНОМЬ! $240

Кухня «ELITE», Италия
• Фасад массив акации, окрашенный под травленый дуб
Цена $829
СЭКОНОМЬ! $210

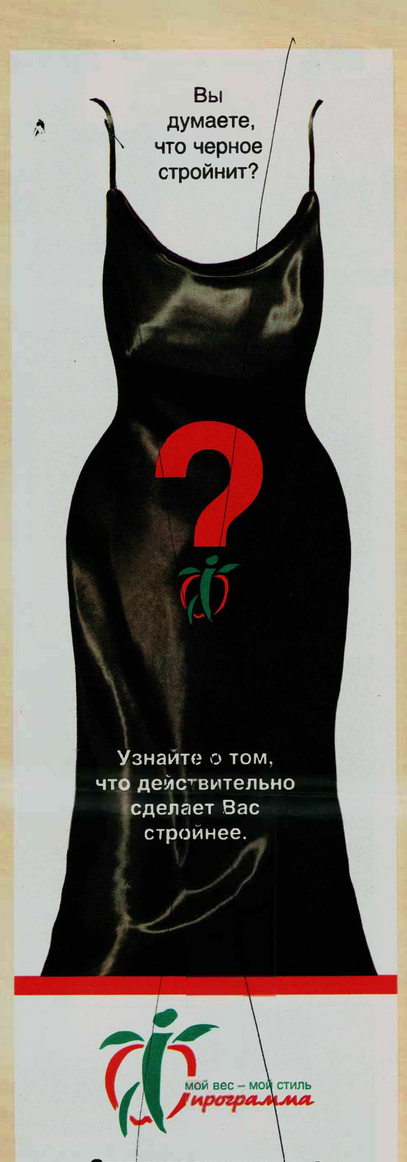
Кухня «PRATICA», Италия
• Дверцы из MDF, покрытые полированным или матовым лаком. 18 цветов RAL на выбор.
Цена $929
СЭКОНОМЬ! $235

* Цена указана за 1 п/м кухни стандартной комплектации с учетом всех скидок.

Встраиваемая техника ведущих мировых производителей BOSCH, SIEMENS, AEG, ELECTROLUX, ARISTON, MIELE

ФИРМА ПАРТИЯ
ВНЕ ПОЛИТИКИ! ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ!
787 7007

Товар сертифицирован



Этот знак означает, что аптека, в которой Вы его увидели, участвует в уникальной научной программе по эффективному снижению лишнего веса.
Узнайте подробности у врача-консультанта в аптеке.
www.vesu.net
Телефон горячей линии:
(095) 232-1-888

Если вы чувствуете в себе потенциал и хотите раскрыть свой талант фотохудожника, то новая цифровая студия **сканер EPSON Perfection 1660 Photo + принтер EPSON Stylus Photo 900** – то, что вам нужно. Сканируя фотопленки или фотографии, вы можете самостоятельно печатать или тиражировать фотографии, создавать красочные коллажи и распечатывать это не только на бумаге, но даже на CD-дисках.

Раскрывайте себя с фотостудией EPSON!

ФОТОФОРУМ МАКРОПОЛИС
С 9 по 12 апреля 2003 года в Культурно-выставочном комплексе "Сокольники" пройдет ежегодная фотовыставка "ФотоФорум 2003". Приглашаем всех посетить нашу экспозицию – 4 павильон, стенд № 424.

Горячая линия: (095) 737-3788,
(800) 200-3788 (звонок по России бесплатный – список городов см. на www.epson.ru)
http://support.epson.ru

Московское представительство SEIKO EPSON Corporation:
факс (095) 777-0357
www.epson.ru

EPSON

Цыгапан® – здоровье для Всей семьи

VERSAL®
Срок изготовления – 5 дней, гарантия – 10 лет.
Каталог продукции можно получить в центральном офисе «Versal»